

Незнакомый пейзаж, погруженный в темноту. Ночное небо, погасшее и немое. Вдалеке виден пульсирующий свет, который становится все ярче.

Чужой голос приближается, он все ближе и наконец звучит совсем рядом. Он произносит мое имя, говорит, что я должна проснуться. Я слышу его, но не могу ответить.

К первому голосу добавляется второй. Две женщины что-то нашептывают мне по ту сторону горизонта. Новый голос спрашивает ту, которая пытается разбудить меня, не боится ли она.

— Она только что перенесла большую операцию и к тому же привязана к кровати. Думаю, сейчас она не очень опасна.

— Ты знаешь, кто она такая? Что сделала?

— Все знают, кто она такая и что сделала.

— Я не хотела бы остаться с ней одна.

— Перестань. А вдруг она нас слышит?

Вот как они говорят обо мне. Как о монстре из страшной сказки. Такова история моей жизни. Сколько раз я пыталась понять, почему все вышло именно так!

Неужели за одну секунду жизнь может измениться навсегда? Или же все это — результат длительной последовательности событий, смесь тех решений, которые мы принимаем, и случайных совпадений? Может быть, слепой случай определяет наше будущее, счастье или несчастье?

Женщина снова спрашивает, проснулась ли я. Но я лежу молча и неподвижно, отдавшись во власть тьмы. Не хочу просыпаться. Если существует неизбежная судьба, предназначенная каждому из нас, то лучше я останусь здесь и никогда больше не увижу дневного света.

Чьи-то руки трясут меня, снова звучит голос, повторяющий мое имя. Наверное, прошли час или несколько часов. Возможно, я не один день балансировала на грани жизни и смерти, пока меня не заставили вернуться.

Мне ужасно больно. Свет от ламп дневного света под потолком режет глаза, воздух в палате кажется сухим и холодным, звуки атакуют меня, как навязчивые насекомые, забирающиеся в уши.

Добродушное лицо, склонившееся надо мной, принадлежит темнокожей женщине с длинной косой. Она объясняет, что я нахожусь в больнице:

— Вчера тебе сделали операцию. То, что ты вышла — просто чудо. Но теперь твое состояние стабильное.

У меня что-то с глазами, что-то со слухом. Губы женщины движутся, но слова, которые она произносит, достигают моего сознания с опозданием. Все, что она говорит, оттягивается, словно я воспринимаю эхо ее слов. И у нее два лица. Две головы, которые то сливаются вместе, то снова разделяются. Наверное, у меня травма мозга.

Она спрашивает, хочу ли я пить, и смотрит в одну точку рядом со мной. С усилием повернув голову, я вижу два белых пластиковых стаканчика на тумбочке у кровати. Они сливаются в один, снова разделяются и опять слипаются вместе.

Женщина указывает на свой бейдж и говорит, что ее зовут Хелена. Она исчезает из поля зрения, и я слышу шум воды, потом она возвращается и подносит стакан. Но мои руки прикованы к кровати наручниками, как и правая нога. Она подносит стакан к моим губам и приподнимает мне голову, чтобы я могла попить. Чуть слышно прошептав «спасибо», я опускаюсь обратно на подушку.

По другую сторону от кровати стоит какой-то аппарат, он мигает и пищит, превращая зеленую светящуюся линию в кривую, которая то взлетает, то опускается, а на груди у меня электроды, подсоединенные к этой машине. Рядом стоит подставка с капельницей, в обеих руках у меня по игле от нее. Левая нога скрыта большой повязкой, такая же у меня вокруг пояса, и еще я чувствую повязку на голове — она закрывает мне левый глаз.

Хелена проверяет трубочку от капельницы, тянущуюся к моей руке, смотрит на аппарат и записывает

что-то в блокнот. Потом смотрит на меня и спрашивает, как я себя чувствую, а я отвечаю, что не знаю. Она просит меня сказать, как меня зовут, и назвать свой личный номер.

— Ты знаешь, кто я, — хрипло отвечаю я. — Ты уже несколько раз произнесла мое имя. А номер наверняка написан на пластиковом браслете у меня на руке.

— Это стандартная процедура, — говорит она. — Имя и личный номер.

Я шепотом говорю, как меня зовут, и называю все цифры. Она отвечает, что я молодец.

— Ты находишься в университетской больнице города Эребру. Знаешь почему?

Я молча смотрю на нее. Склонив голову набок, она ждет ответа.

— Ты помнишь, что произошло? — спрашивает она. Я закрываю глаза.

Острый металлический прут разрезает воздух, ударяет меня по голове, рассекая бровь, и соскальзывает вниз по щеке. Я чувствую, как по лицу течет горячая кровь. Я вскрикиваю, готовясь отразить следующий удар.

— Да, — отвечаю я Хелене. — Помню.

Это заставляет меня вспомнить о другом событии. Но я не хочу об этом думать, не в состоянии ломать голову, испытывал ли он такой же предсмертный ужас, как я. Потому что я выжила, а его больше нет.

— Дыши, — говорит медсестра, и я дышу вслед за ней, пока ком в горле не рассасывается. Она внимательно смотрит на меня, и я вижу, что она хочет еще что-то спросить, но сдерживается. В палату входит по-

лицейский и раздраженно замечает, что его следовало проинформировать о том, что я очнулась. Я не слышу, что отвечает Хелена. Но вижу, как мужчина стоит, уставившись на меня, вижу, какие мысли пытается скрыть его лишенное выражения лицо. Лучше бы я вообще не приходила в сознание.

И я с ним совершенно согласна. То, что я жива, для меня большое разочарование.

— Ты будешь меня допрашивать? — выдавливаю я из себя.

— Я здесь, чтобы тебя охранять, — отвечает он.

— Это ты прекрасно можешь делать в коридоре, — говорит Хелена и поворачивается к нему спиной. — Давление по-прежнему низкое, и содержание железа тоже. Если бы я попросила тебя описать, насколько тебе больно, по шкале от одного до десяти, что бы ты ответила?

— Семьдесят пять, — шепчу я, пытаюсь улыбнуться. Хелена улыбается в ответ и обещает дать мне еще обезболивающего. Она прикасается к одной из игл, вставленных мне в руку, и вскоре по всему телу распространяется золотой покой. Она говорит, что мне надо отдохнуть, и решительно выставляет полицейского из палаты.

Морфин действует быстро. Мое израненное тело расслабляется, когда боль покидает его, и я закрываю глаза, чтобы унести в прошлое.

Шесть лет назад я была совсем другим человеком. Думала, что жизнь сложится иначе. Но это было давно. Еще до того, как я попала в самую суровую женскую тюрьму Швеции, задолго до того, как другая заклю-

ченая попыталась убить меня заточкой. Тогда я была глупа — когда меня задержала полиция, я думала, что все это чудовищное недоразумение. Я все еще верила, что все образуется.

* * *

Не знаю, сколько времени я сижу в полицейской машине в ожидании, что кто-нибудь объяснит мне, что же произошло. Мне не разрешили одеться, я в халате, накинутом на голое тело. Руки щиплет от засохшей крови, мне не удалось отмыть все. А теперь уже поздно. Запястья скованы за спиной наручниками.

Я стараюсь сохранять спокойствие. Стараюсь говорить уверенным голосом, когда раз за разом спрашиваю, почему сижу на заднем сидении полицейской машины. Ответа нет.

Рядом с дачей стоят друзья, бросая взгляды в мою сторону. Они смотрят с упреком и недоумением — они, как и я, ничего не понимают. Некоторые из них плачут, и я вижу, как женщина-полицейский разговаривает с ними, записывая что-то в блокнот. Я не могу услышать ни слова.

Собралось много полицейских, во дворе припарковано несколько их машин. Рослый мужчина стоит рядом с дверцей одной из них, широко расставив ноги, положив руку на кобуру пистолета, готовый в любой момент применить оружие. У гостевого домика в дальнем конце сада качаются на ветру сине-белые ленты ограждения. Я пытаюсь отогнать мысли, навязчиво лезущие в голову, но мой взгляд все время

устремляется в сторону гостевого домика со спальней внутри него.

Женщина-полицейский оставляет моих друзей и идет к машине, крепко держа в руках мою сумочку. Отдав ее коллеге, она открывает дверь с моей стороны, и я делаю движение, собираясь вылезти. Она кладет руку мне на плечо, не давая этого сделать:

— Линда Андерссон, ты арестована и проследуешь с нами в участок.

— Вы обязаны сказать, почему, — говорю я. — Объяснить, что происходит. Почему вы так со мной поступаете?

Состроив нетерпеливую гримасу, она наклоняется надо мной, застегивает ремень безопасности и отвечает, что об этом мы поговорим позже.

До этого момента я делала все, как мне сказали. Была сговорчива, выполняла их приказы. Когда мне крикнули, чтобы я выходила из гостевого домика, подняв руки, я так и сделала. Они велели мне лечь на живот на землю, сложив их за головой, и я подчинилась без всякого протеста. Но тут во мне что-то лопнуло. Я рвусь, кидаюсь из стороны в сторону в отчаянных попытках освободиться. Зову Алекса, зову Микаэлу, умоляя их помочь мне.

Но они даже не отвечают. Они стоят, обнявшись, и смотрят на меня так, словно не знают, кто я. Я плачу, взываю к ним, прошу их сказать полицейским, что я не сделала ничего плохого. Микаэла отворачивается, Алекс смотрит в другую сторону.

Дверь машины захлопывается, заводится двигатель. Мы выезжаем на гравиевую дорожку, оставив

Элизабет Нуребэк

позади дачу. Прижавшись лицом к стеклу, я вижу, как исчезают из виду мои друзья. Мой бойфренд и моя сестра.

Меня увозят в одиночестве, не объяснив, в чем обвиняют, и, хотя я не сплю, все происходящее кажется кошмарным сном, в котором все отвернулись от меня.

Временами накатывает густой туман глухо пульсирующей боли, а потом — полубессознательное состояние, когда начинает действовать морфин. Очнувшись в следующий раз, я вижу рядом с собой медсестру Хелену и мужчину-санитара. У двери сидит полицейский. Электроды с моей груди убраны, аппарат молчит, перестав мигать. Я спрашиваю, хорошо это или плохо. Хелена отвечает, что я поправляюсь, но лечащий врач все мне объяснит чуть позже. Санитар приносит завернутый в полиэтилен бутерброд и одноразовую упаковку с яблочным соком.

— Будет хорошо, если ты попробуешь поесть, — советует он. Развернув бутерброд, он протягивает его мне. Вставляет трубочку в упаковку с соком. Но у бутерброда деревянный вкус, а у сока химический. Я прошу дать мне воды.

— Я бы хотела, чтобы ты сходила в туалет, — говорит Хелена после того, как я с ее помощью выпила несколько глотков. — Справишься?

Полицейский размыкает наручники. Вылезти из постели и пройти несколько шагов до туалета — задача почти невыполнимая, хотя мне помогают Хелена и санитар. Боль пульсирует во всем теле, на левую ногу опираться нельзя, да я бы и не решилась. Полицейский внимательно следит за мной, отмечает каждый крошечный шаг.

— Дверь закрывать не разрешается, — приказывает он, когда я наконец достигаю туалета. — Я должен видеть, что ты не натворишь глупостей.

Хелена протестует, но я отвечаю, что мне все равно. К этому моменту я уже привыкла к такому. Я сажусь на унитаз, писаю и вытираюсь у всех на виду, потом мне помогают встать. Хелена поддерживает меня, пока я ополаскиваю руки, а я разглядываю женщину, отражающуюся в зеркале над раковиной. Бледное существо с повязкой на голове смотрит на меня равнодушным взглядом. С левой стороны из-под повязки торчат коротко остриженные волосы — все, что осталось от длинных светлых локонов, которые у нее когда-то были. Я почти не узнаю саму себя.

— Пришлось состричь, — говорит Хелена, поймав в зеркале мой взгляд. — Чтобы зашить рану на голове.

Чужая женщина, в которую я превратилась, смотрит на меня, словно говоря: *«Пора уже привыкать. Я пришла, чтобы остаться, и с этим ты ничего не сможешь сделать»*.

Обливаясь потом, я с трудом добираюсь до постели. На последнем этапе повисаю, как мешок, между Хеленой и санитаром, и им приходится поднимать меня на руках, чтобы положить в кровать.

Позднее в палату входит врач. Она представляется, но я тут же забываю ее имя. Она объясняет, что металлический прут нанес большие повреждения, попав по голове и по лицу, но хуже всего травмы на левой стороне тела. Рана начинается под грудью и продолжается почти до колена, так что операция потребовалась сложная. Она хочет подготовить меня к тому, что я увижу, когда с меня снимут бинты. К сожалению, у меня останутся шрамы — и на лице, и на теле. Она говорит, что я потеряла много крови и была на грани. Мне повезло, что меня нашли до того, как я истекла кровью.

— Ты пробудешь у нас какое-то время, но мы скоро поставим тебя на ноги, — говорит она и похлопывает меня по плечу. — Ты сможешь жить как обычно.

Как обычно.

Это так глупо, что я даже не отвечаю.

Пару дней спустя меня навещает комиссар криминальной полиции города Эребру. Усевшись на табуретку рядом с кроватью, он просит меня рассказать, что произошло в тюрьме.

Я отвечаю ему, что все начиналось как самый обычный четверг. Охранники отперли наши камеры, мы позавтракали, а потом нас повели на работу на фабрику Бископсберга. После перерыва начальник велел мне принести со склада несколько коробок, и мы с одним из охранников спустились туда на лифте. Взяв тележку, стоявшую у входа, я одна пошла дальше. Склад был такой же огромный, как и помещение этажом выше, где мы работали, а коробки, которые мне пред-

стояло принести, стояли на полках у дальней стены. Загрузив их на тележку, я услышала с другой стороны шаги. На складе находился кто-то еще, но, когда я окликнула, шаги остановились. Я громким голосом спросила, кто это там крадется, и собиралась позвать охранника, когда из-за угла появилась Анна, другая заключенная. Она уставилась на меня. Я спросила ее, что она там делает, но она не ответила, только зло тарасилась на меня. Охранника не было видно. Пытаясь обойти Анну, я обнаружила, что она держит в руках длинный железный прут. Она вскинула его, я не успела отскочить — она попала мне по голове. Анна подняла прут, чтобы ударить снова. Я закричала, отступила назад и споткнулась о ручку тележки как раз в тот момент, когда прут ударил по мне во второй раз. Вероятно, поэтому я осталась в живых.

— По какой причине она на тебя напала? — спрашивает комиссар. — Почему она была так враждебно настроена?

Я объясняю, что Анна была без ума от меня и не оставляла в покое. Когда я показала, что не хочу с ней общаться, она меня возненавидела.

— Видишь ли, эта женщина утверждает, что действовала из самообороны, — говорит он. — Что ты угрожала ей и ранее пыталась ее задушить. Что ты об этом скажешь?

— В результате здесь лежу я, не так ли? — отвечаю я. — Не ее почти разрубили на две части, и не у нее останутся шрамы по всему телу.

Комиссар строит гримасу, показывающую, что он думает по этому поводу. Чему тут удивляться? Гораздо